

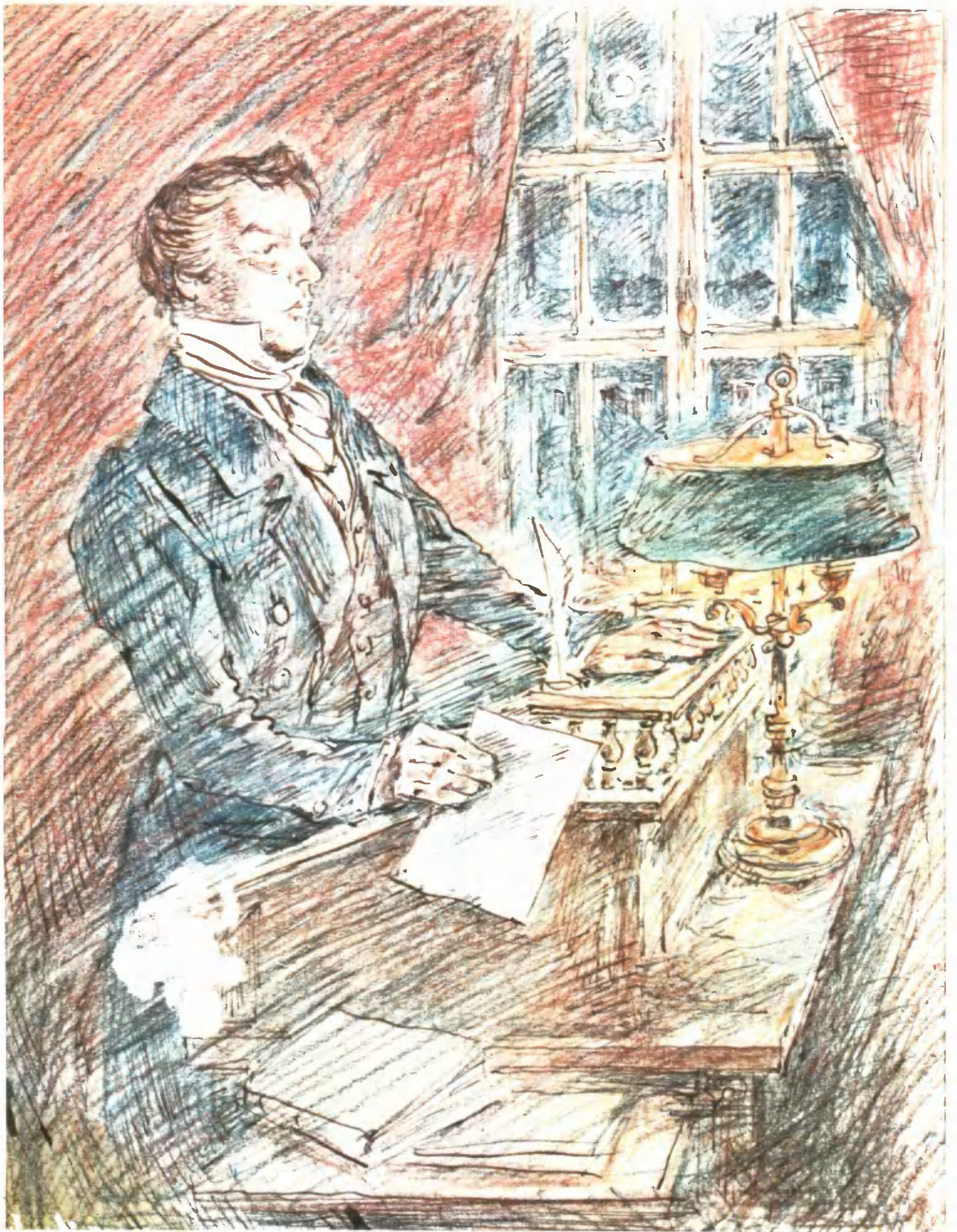
СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ
НАШЕЙ ОДИНЫ

СТАНИСЛАВ ДУМИН

ЗВЕЗДА
ПУТЕВОДНАЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МАЛЫШ» 1989

СТАНИСЛАВ ДУМИН

ЗВЕЗДА ПУТЕВОДНАЯ

*Повесть
о Кондратии Рылове*

Рисунки В. Бескаравайного

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МАЛЫШ» МОСКВА 1989

В ДОМЕ У СИНЕГО МОСТА

Одета льдом река Нева, белеют каналы, засыпаны снегом широкие проспекты и улицы. А метель метёт, заметает окна, двери. Теперь — хорошо у печи.

В доме на Мойке, у Синего моста, сидят Никита с Савелием-плотником на кухне, чай с вареньем брусничным пьют. Барина, Кондратия Фёдоровича, дожидаются.

Плотник Савелий в Петербург из деревни пришёл. Помещик его отпустил на заработки. Подрядился Савелий с артелью на стройку большого господского дома. Два месяца проработал, и тут случилась с ним беда. Ладили они крышу, да оступися Савелий, упал.

Месяц пролежал у добрых людей. А тем временем артель дом достроила, расчёт получила. Приходит Савелий к подрядчику — а тот и знать ничего не желает: никаких тебе денег не положено. Добрые люди советовали в полицию пойти, в суд на подрядчика подать. Но ни в полиции, ни в суде слушать мужика не стали.

Сел Савелий у судейских дверей, пригорюнился. Ведь большую часть заработанных денег должен он был помещику отдать. Не поверит тот, что плотника обманули, решит, что деньги Савелий утаил. Наказать велит.

И тут подошёл к Савелию молодой незнакомый барин.

— О чём, братец, горюешь? — спрашивает.

Поглядел на него Савелий недоверчиво, насупился было (ишь

любопытный какой!). Но видит — и правда хочет ему барин помочь. Рассказал про свою беду. Тот задумался, потом говорит:

— Приходи завтра к вечеру ко мне. Живу я у Синего моста, в доме Российско-Американской компании. Спросишь Кондратия Фёдоровича Рылеева. А я тем временем подумаю, как делу твоему помочь.

На следующий день Савелий, робея, позвонил в дверь двухэтажного дома на Мойке. Старый слуга рылеевский, Никита, сперва встретил его строго. Седые бакенбарды важно разгладил, сказал:

— Не вернулся ещё Кондратий Фёдорович. На кухню ступай, обожди, да ноги вытри получше, наследишь!

Но потом рядом присел, разговорился с Савелием, горю его посочувствовал, житьё-бытьё деревенское вспомнил. Подобрел, самовар поставил. Сидят Никита с Савелием, беседуют неторопливо, степенно.

Отставил Савелий кружку и говорит:

— Хороший у вас, Никита Мартынович, барин. Добрый, простой. А имя у него не господское — крестьянское. Отчего это?

Усмехнулся Никита, чай с блюдечка отхлебнул:

— Имя ему цыганка нагадала.

— Как так? — удивляется Савелий.

— Да вот так, — отвечает Никита. — Слушай.

СОЛДАТСКИЙ КРЕСТНИК

Как женился наш барин покойный, Фёдор Андреевич Рылеев, родился вскоре у них ребёнок, да умер. Потом родился другой — и тоже недолго прожил. Родился третий — опять заболел. Барыня плачет, убивается, барин хмурится — не подойти. Тут Агашка-ключница возьми и позови в дом цыганку. Пришла цыганка, браслетами звенит. Карты раскинула, пошептала что-то, всмотрелась и говорит:

— Чтобы сын ваш в живых остался, нужно первых встречных с большой дороги взять ему в названные родители, чтобы крёстный отец своё имя ему нарёк.

Барин цыганке не больно поверил. Да делать нечего — барыня плачет: сделай, мол, как цыганка сказала. Велел барин: беги, Никитка, на проезжую дорогу, сделай, что сказано!

Побежал я на дорогу. Вижу, показался кто-то. Подошли поближе. Батюшки! — нищенка оборванная с котомкой бредёт. За ней солдат отставной, старик уже, — тогда солдаты тридцать лет служили. Глаз один завязан, левый рукав пустой — инвалид, мундир в заплатах.

Я вскочил — и к ним! А они испугались, обратно повернули.

«Стойте! — кричу. — Погодите, барин мой вас на крестины зовёт!» Не поверили. Думали — насмехаюсь над ними. Но я им про цыганку рассказал и уговорил.

Пришли в дом. Поглядел Фёдор Андреевич на солдата и нищенку, головой покачал. Спросил: «Как зовут тебя, служивый?»

«Кондратий Петров, отставной инвалидной команды рядовой».

Тётушки, кумушки, как услышали это — в слёзы.

«Не хотим, — говорят, — такого имени, никогда в роду у нас Кондратиев не было». Но барин ногою топнул: «Цыц! Спасибо скажите, что не Акакий попался!»

Так и назвали Кондратия Фёдоровича — в честь того солдата. Покормили названных родителей, дали по рублю серебром. А солдат на прощанье сказал: «Будь здоров, крестник мой Кондратий, расти большой! Я вот тридцать лет служил — так солдатом и остался, а тебе дай бог генералом стать».

— Да только не стал наш Кондратий Фёдорович генералом! — вздохнул Никита. — Чин у него невелик — подпоручик в отставке.

— А что ваш барин в отставку ушёл? — спросил Савелий. — Или на войну идти не хотел: страшно, поди, на войне-то?

Никита даже с лавки привстал, подбоченился:

— Это кому страшно, Кондратию Фёдоровичу? Да как у тебя язык повернулся такое сказать! Барин мой на войне бывал и с самым французским императором Наполеоном воевал. Когда в 1812 году французы на нас напали и Москву сожгли, Кондратий Фёдорович в кадетском корпусе на офицера учился. Он тогда столько раз на войну просился — да всё не пускали. Рано, говорили, не все ещё военные науки превзошёл. А как произвели его в чин прапорщика, — двух дней не прошло, сел в возок и поскакал войска наши догонять. Наша армия в те поры уже до самой Франции дошла.

Торопился он — и успел-таки с французами повоевать. Всю Германию и Францию прошёл со своей конной батареей. И в столице французской, в Париже, побывал, когда мир заключили. Там и предсказала ему знаменитая гадалка мадам Ленорман судьбу.

— Ты не думай, — Никита поглядел на Савелия строго. — Кондратий Фёдорович гадалкам не верит. Зашёл к ней с товарищами, шутки ради. А та за руку его взяла и говорит:

— Будете вы знамениты, но погибнете смертью ужасной!

— Тут, видно, и ушёл барин из армии? — спросил Савелий. — Смерти на войне испугался?

— Да нет! — рассердился вконец Никита. — Что ты всё толкуешь: «испугался, испугался». Барин мой никого не боится! Не потому он из армии ушёл, дело было иначе. Я это знаю. Как Кондратий Фёдорович из Франции с батареей своей вернулся, он под Воронежем служил. Я к нему у барыни отпросился да всё своими ушами слышал.

ОТСТАВКА

— Приезжаю я к нему в Воронеж, — продолжал свой рассказ Никита. — Гляжу — похудел Кондратий Фёдорович. Да и погрустнел. Другие офицеры в карты играют, вино пьют. А он всё книжки читает, допоздна засиживается, пишет что-то, бормочет. Потом я узнал, что это он стихи сочинял.

В те поры государь император Александр Павлович армией своей шибко недоволен был. С французами солдат храбро воевал, да в боях и походах разучился под барабан маршировать. Вот и пошли в полках смотры, парады. А за любую оплошность наказывали нещадно.

И вот однажды поехали мы в соседний городок. На площадь выходим, вдруг слышим — барабаны рокочут: «Там-тарарам-тарарам-та-там!»

А на площади в два ряда солдаты стоят с палками в руках. Вижу — сквозь строй солдат бредёт человек без рубахи, со связанными руками. Идёт с трудом, спина в крови. А солдаты по очереди его палками бьют. Споткнулся он, упал. Офицер, что рядом стоял, белой перчаткой махнул — и двое солдат упавшего подхватили. Подняли, дальше понесли.

Вернулись мы домой. Вечером к Кондратию Фёдоровичу гость заглянул — подпоручик Косовский. Кондратий Фёдорович ему всё рассказал, как было. Оказалось, солдат тот на параде с ноги сбился. Вот генерал и приказал наказать.

Вздохнул Косовский:

— Жаль старика! Всю войну прошёл, а теперь вряд ли в живых останется. А солдатам каково? Жалко ведь товарища, а слабо ударишь — самого сквозь строй пошлют.

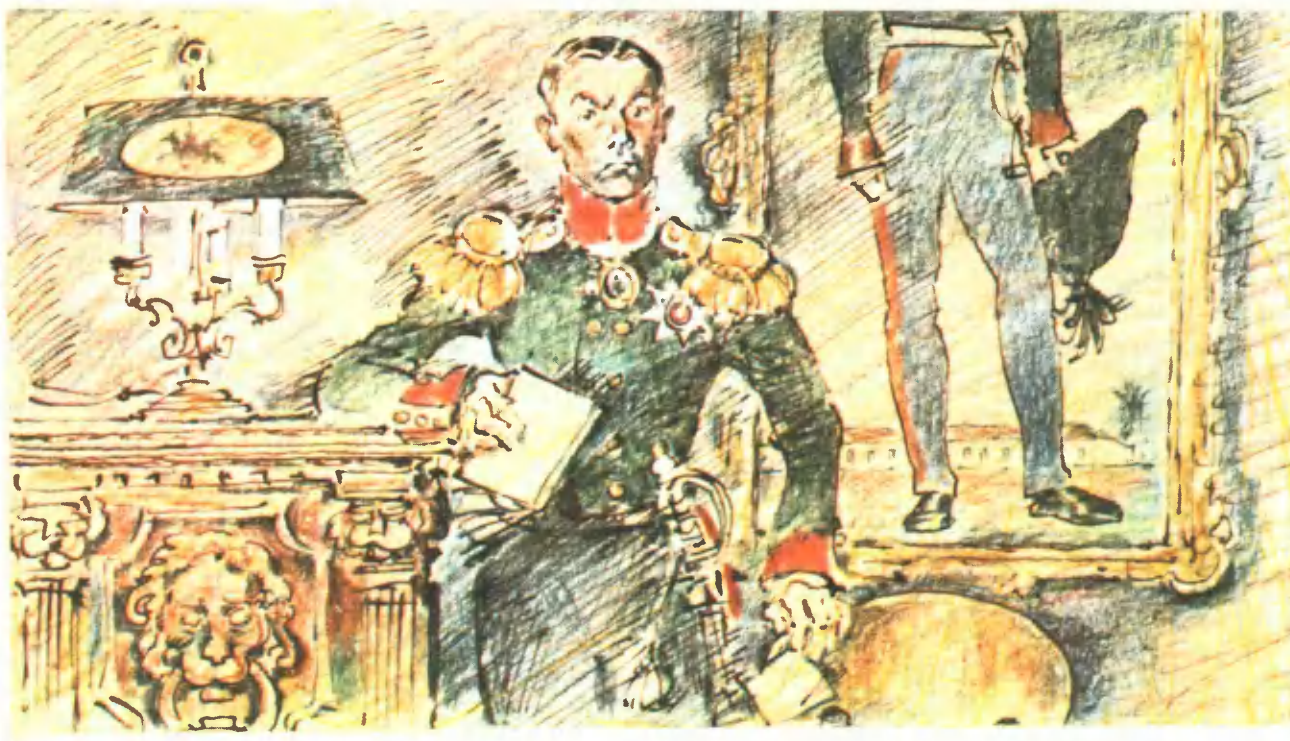
А Кондратий Фёдорович помолчал, потом встал и говорит:

— Поглядел я на того офицера на площади, что расправой командовал, и стыдно мне за свой мундир стало. Нынче служить могут одни подлецы. А я палачом солдатам быть не желаю. Я солдатский крестник! Прости, братец, у меня сегодня ещё дело важное есть.

Ушёл Косовский, а Кондратий Фёдорович бумагу достал, перо гусиное в чернильницу обмакнул и начал что-то писать. Быстро пишет, только чернильные брызги летят. А писал он прошение об отставке.

Офицер не солдат, ему со службы уйти просто. Скоро вышел государев приказ: артиллерии прапорщика Рылеева в отставку уволить с чином подпоручика. А тут и радость у нас случилась — женился Кондратий Фёдорович.

А немного погодя Кондратий Фёдорович жену расцеловал, сложили мы в сундучок книги да бумаги и отправились в столицу, в Петербург, новую службу искать.

ПЕТЕРБУРГ

— Ты вот, дурень, всё твердишь: «робеет, боится», — разгорячился опять Никита, хоть Савелий слушал молча, даже кивал. — А Кондратий Фёдорович, как в Петербург приехал, с самим генералом Аракчеевым схватиться не побоялся!

— Да быть того не может! — ахнул Савелий. — Генерала Аракчеева, почитай, вся Россия боится. У нас в деревне им бабы детей на ночь пугают: «Спи, спи, не то тебя Аракчеев в солдаты заберёт». Он же первый царский любимец, солдатский мучитель.

— А Кондратий Фёдорович его не испугался, — рубанул ладонью Никита. — Он про Аракчеева стихи написал. Изобразил его как живого. Сказал, что душа у него подлая, злобная, что народ он довёл до нищеты, злодеем его назвал. Написал — да ещё и в журнале напечатал, всем на удивление.

— Да как же разрешили такое? — недоверчиво спросил Савелий.

— Кондратий Фёдорович на хитрость пошёл. Написал в заголовке, будто стихи эти — про какого-то древнего злодея, что жил давным-давно, вот и разрешили их напечатать. А как прочли их — сразу Аракчеева узнали. Мне рассказывали, что и сам генерал стихи эти прочёл. И будто, как прочёл он их, — журнал разорвал, клочки ногами топтал...

Мы, как узнали это, очень за Кондратия Фёдоровича струхнули. Думали — того и гляди, пришлют за ним солдат, в возок посадят, увезут, куда Макар телят не гонял, или в крепость запрут. Но день прошёл, другой, третий, неделя прошла. Все о стихах Кондратия Фёдоровича говорят, а Аракчеев из дворца носа не высовывает, больным сказался.

— Как же Аракчеев такое спустил?! — дивился Савелий.

— Видно, стыдно ему показалось себя в стихах узнать, — покачал головой Никита. — Вот Аракчеев и решил: лучше сделать вид, что не про него эти стихи, а про древнего злодея.

И не раз ещё Кондратий Фёдорович собой рисковал — за правду. Трудно ему приходилось, особенно, когда в суде служил.

В Петербурге он со многими хорошими людьми подружился. То и дело заглаживали к нему офицеры, чиновники, писатели. И как узнали, что хочет он в суде служить, удивились, стали отговаривать. Нельзя, мол, честному человеку в судейские идти, в суде все мошенники, взяточники. В суде у нас одна правда: кто больше судье денег даст, тот и прав.

А Кондратий Фёдорович им отвечал: потому и надо честным людям в судьи идти, чтобы бедных людей защищать от взяточников и мошенников.

— Но только, — вздохнул Никита, — не удалось Кондратию Фёдоровичу в суде правды добиться. Он и защищал бедняков, и по вечерам, после службы, им бумаги писать помогал. Про судью Рылеева весь Петербург говорил, — в кои-то веки в царском суде один честный судья сыскался! А один в поле не воин. Другие чиновники дела по-своему поворачивали, и ничегошеньки он с ними поделаться не мог. Вот и ушёл из суда.

Савелий хотел ещё что-то спросить, но тут зазвенел у двери колокольчик. Никита заторопился в прихожую, Савелий — за ним. Кондратий Фёдорович отдал Никите запорошённую снегом шубу. Обернулся к Савелию, улыбнулся невесело:

— Был я у подрядчика твоего и у полицмейстера. Нет на этого мошенника управы. Артель в Москву ушла, доказать ничего нельзя. Но я барину твоему письмо написал, мне он поверит, наказывать тебя не станет. И ещё узнал я, что тут неподалёку, на возведении Исаакиевского собора, плотники нужны. Сегодня у нас заночуешь — время позднее, а завтра ступай туда не мешкая. А это тебе на первое время. — И сунул Савелию белую бумажку — ассигнацию.

Хотел Савелий Рылееву в ноги кинуться, но тот его подхватил:

— Не надо, братец. Дело ведь твоё справедливое. А до конца помочь тебе я не сумел. Погоди, может быть, настанут скоро лучшие времена.

Потом попросил:

— Никитушка, поставь-ка самовар, принеси мне в кабинет кипятку с лимоном. Нужно мне ещё поработать сегодня.

Никита головой покачал укоризненно:

— Время-то уж позднее. Ложились бы вы, Кондратий Фёдорович! Барыня, Наталья Михайловна, давно почивают. Утро вечера мудренее.

Рылеев усмехнулся, спорить со стариком не стал, но не послушался, ушёл в кабинет.

Допили чай, спать собрались. Савелий тулупом укрылся, пригрелся, уснул. А Никита всё поглядывал на дверь кабинета. Видел — свет сквозь щели пробивается. Опять Кондратий Фёдорович будет до утра сидеть, себя не жалеючи. А во всём виновата Полярная звезда, будь она неладна. Поднялся Никита с лавки, подошёл к окну. Подышал на стекло, в ледяных узорах дырочку протёр. Поглядел на небо. Вот она, светится — высоко, над ковшом Большой Медведицы.

«ПОЛЯРНАЯ ЗВЕЗДА»

Она и впрямь не давала Рылееву спать, «Полярная звезда». Но только не та, что на небе, — её Никита напрасно бранил. «Полярной звездой» назывался сборник стихов и рассказов — альманах.

Много было у Рылеева в Петербурге дел, много друзей. Часто засиживался он то в гостях, то на службе. Случалось, возвращался домой лишь к полуночи. Никита, ворча, отпирал засов, бормотал сердито: «Спать давно пора». Но Рылеев чуть не до самого утра жёг свечи, засиживался над книгами по русской истории.

Изучая русскую старину, Рылеев узнал, что когда-то не было на Руси ни князей, ни царей. Жил тогда народ по своей воле. И цари бывали разные. Император Пётр Первый сам войска на врагов водил, сам доски пилил и строгал, корабли для русского флота строил. А после Петра вот уже сто лет правят страной то капризные царицы, то императоры-самодуры. Но во все времена не переводились на Руси храбрые, честные люди, которые не боялись встать на защиту правды.

«Вот беда,— думал Рылеев.— Не знает народ о тех, кто против насилия восставал, жизни своей за Россию не щадил».

И тогда решил Кондратий Фёдорович написать стихи о героях русской истории. Один за другим, как живые, проходили они перед ним, вставая с книжных страниц. Вот легендарный новгородец Вадим. Он защищал вольный город от князя Рюрика и погиб за свободу. Вот костромской крестьянин Иван Сусанин. Он завёл вражеский отряд в непроходимые леса. Враги убили Сусанина, но и сами не ушли живыми. Вот отважный украинский казак Наливайко, который поднял крестьян на восстание. Стихи эти Рылеев назвал «думами».

Вместе с другом, поэтом Александром Бестужевым, начал Рылеев издавать журнал «Полярная звезда». Писали в «Полярную звезду» Пушкин, Жуковский, Крылов, Дельвиг... Писали и братья Николай и Михаил Бестужевы, и сам Рылеев. В декабре 1822 года маленькие томики журнала с сияющей звездой на обложке появились в книжных лавках и через несколько дней исчезли — разошлись по Петербургу, разъехались по всей России. Через год вышел ещё один томик журнала, потом ещё один. «Думы» Рылеева теперь многие узнали. Узнали — и полюбили.

Никита как-то спросил Кондратия Фёдоровича: «А что это за звезда такая — Полярная?»

Рылеев улыбнулся, отдернул штору на окне, показал на Север:

— Гляди, Никитушка, вот она. Звезда эта не простая — путеводная. По этой звезде моряки, путешественники путь узнают. Может быть, и наша «Полярная звезда» кому-нибудь верный путь укажет.

Тут бронзовые часы в гостиной протяжно пробили семь.

Вот-вот гости приедут, пора самовар ставить.

А у двери уже бренчал колокольчик. Шумно ворвались в дом приятели Рылеева, молодые офицеры. Явились три брата Бестужева: старший, Николай, — строгий, серьёзный; средний, Александр, — молодцеватый, красивый; младший, Михаил, — шутник, балагур. С ними приехал и кудрявый Лёвушка Пушкин, младший брат знаменитого поэта, рылеевского друга. Лёвушка привёз письмо хозяину от брата, из деревенской ссылки.

Расселись на скрипучих креслах, на диване.

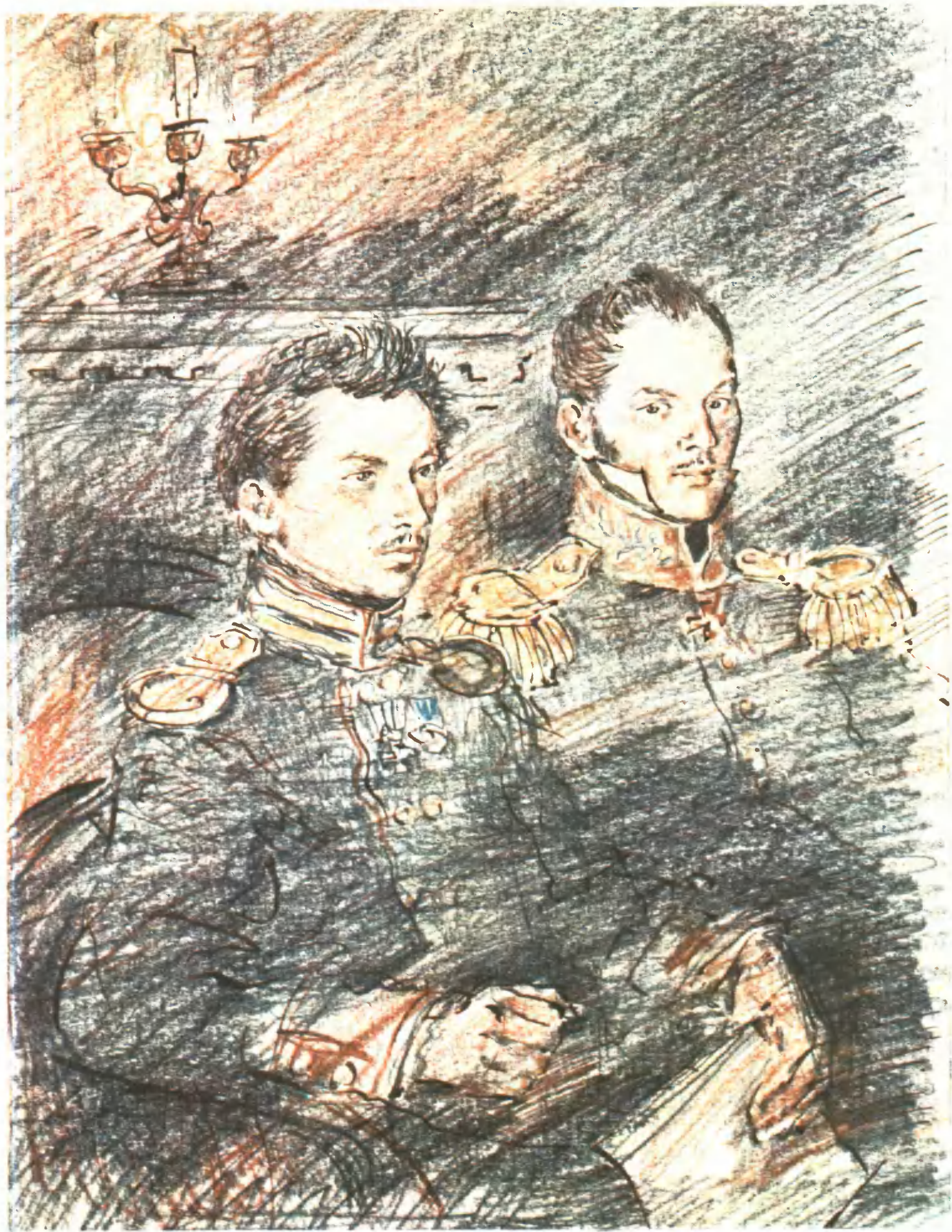
Поспел самовар и, пыхтя, взгромоздился на белой хрустящей скатерти.

Михаил Бестужев, расстегнув ворот мундира, тронул было струны гитары. Но брат Александр остановил его:

— погоди, Мишель, Кондратий обещал нынче стихи почитать.

Все притихли, приготовились слушать. Никита тоже не вытерпел, неслышно стал в дверях.

Рылеев поднялся немного смущённо, начал вполголоса, потом всё громче, отчётливее. Глаза его заблестели, он выпрямился, от-

кинул голову, как будто даже стал выше ростом.

Герой его стихотворения — Артемий Воынский — был казнён в 1740 году по приказу царицы Анны. Казнили его за то, что он осмелился сказать царице всю правду о преступлениях её любимца — немца Бирона, жестоко угнетавшего народ. Воынский отважно идёт на казнь, он знает:

Славна кончина за народ!
Певцы, герою в воздаянье,
Из века в век, из рода в род
Передадут его деянье.

Дослушав, офицеры заспорили, прав был Воынский или нет. Ведь царица его всё равно не послушала, казнила.

— Да разве в этом дело, — горячился Николай Бестужев. — Главное, что он готов был отдать жизнь за правду, за народ, не трусил, не испугался казни. А мы — сумеем, если понадобится, пожертвовать собой за народ?

Рылеев задумчиво улыбнулся и проговорил: «Придёт наш черёд — сумеем».

Многие читали рылеевские стихи и так же спорили, задумывались о том, как жить, как служить своей Родине.

Мало кто знал когда-то прапорщика Рылеева. Немало людей в Петербурге слышали раньше про Рылеева — честного, неподкупного судью. Многим в России был теперь известен Рылеев — поэт, издатель «Полярной звезды».

Но только самые близкие друзья знали, что есть у Рылеева тайна. Если бы эта тайна стала известна царю — не сдобровать Кондратию Фёдоровичу и его товарищам. И было у этой тайны имя — Северное общество.

СЕВЕРНОЕ ОБЩЕСТВО

В заграничных походах русской армии 1814—1815 гг., окрылённые победой над Наполеоном, молодые офицеры мечтали многое в России исправить. Думали они, что царь Александр даст крестьянам свободу, долгий срок солдатской службы убавит. Надеялись, что станет он править страной не по прихоти своей, а по закону — конституции. Но Александр конституцию посулил, а потом раздумал. О том, чтобы крестьянам волю дать, поговорили, да замолчали. Солдатам при генерале Аракчееве ещё хуже, чем раньше, пришлось.

Поняли молодые офицеры, что на царя надеяться нечего, решили сами взяться за дело. Вот и создали они два тайных революционных общества для борьбы с крепостным правом и самодержавием. Одно на юге, на Украине,—Южное (им руководил полковник Павел Пестель), другое в Петербурге—Северное. Зная, что царь не уступит власть добровольно, решили они поднять против Александра армию. Без солдат императору никак не удержаться. А солдаты охотно против царя пойдут, если крестьянам свободу объявить.

Совсем недавно вступил Рылеев в Северное общество,—а уже всё чаще обращаются к нему за советом другие «северяне». Часто спорят они о судьбе народа, о том, как сделать Россию свободной. И друг с другом спорят, и с «южанами», что приезжают в столицу. Умеет Рылеев своей искренней негромкой речью убеждать, вдохновлять, верят ему. Потому и сумел он найти и принять в тайное общество немало новых людей, прежде всего офицеров. А почему офицеров—понятно. Офицер, если его солдаты любят, может их в нужный момент за собой повести.

Собирали они силы, думали, что сумеют царя во время парада лишить власти и объявить свободу народу. Но не всё ещё было

сделано, не всё готово. А в ноябре 1825 года, когда государь путешествовал вдали от столицы, случилось неожиданное: Александр I внезапно умер. Рылеев и его друзья решили: «Нужно поднять полки. Медлить нельзя. Другого случая не будет».

НАКАНУНЕ

А в столице тем временем творились странные дела.

После смерти императора Александра I трон должен был достаться старшему из братьев царя — Константину. Уже несколько лет жил тот вдали от Петербурга. Константина признали царём, присягнули на верность ему другие царские братья, все министры, вельможи, войска, чиновники. Но Константин решительно отказался от престола.

Трон должен был занять младший брат его, Николай.

Но по доброй ли воле Константин отказался царствовать? Этого никто не знал. В столице пошли разговоры, ропот... В армии Николая крепко не любили за жестокость, считали, что хочет он трон хитростью занять.

Прошла неделя, вторая... Николай объявил об отречении брата и назначил новую присягу войскам и чиновникам на 14 декабря.

А тем временем «северяне» агитировали солдат, уговаривали не присягать новому царю.

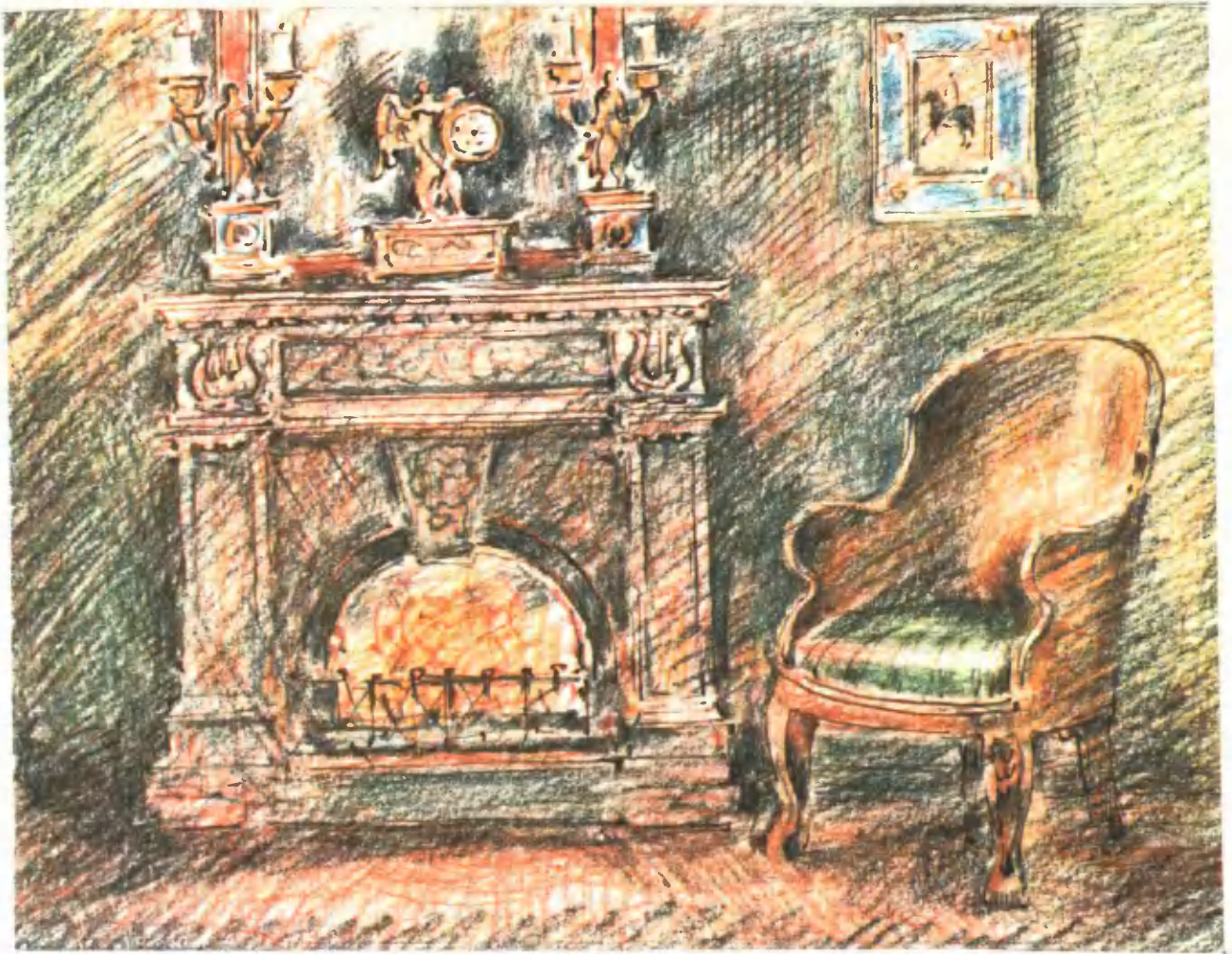
Вечером 13 декабря к дому у Синего моста опять съезжались экипажи. Никита едва успевал принимать шубы.

Кондратий Фёдорович обвёл взглядом комнату: сколько их, «северян», собралось здесь сегодня? Десятка три. Кое-кто сейчас в полку. А остальные? Многие, что раньше обещали пойти с ними, теперь колебались, не верили в успех. Вот и Трубецкой советует повременить, подождать. Слишком мало у них сил.

Но Рылеев, блестя чёрными как смоль глазами, доказывал: — Другого случая не будет!

Решено было помешать присяге Николаю, засветло собрать войска на Сенатской площади, у здания главного суда империи — Сената. Потом издать указ об освобождении крестьян, облегчении солдатской службы, арестовать Николая и всю царскую семью. Командиром выбрали Трубецкого. Он боевой офицер, полковник, его в гвардии знают. Потом офицеры разъехались по своим полкам — готовить солдат к выступлению.

Рылеев в ту ночь так и не сомкнул глаз. Сначала отправил Александра Бестужева к морякам в Гвардейский экипаж. Потом

сам поехал к офицерам Финляндского полка. А воротясь домой, долго ходил по кабинету из угла в угол. Воском плакали свечи на камине, троекратно прозвенели часы. С тревогой думал Кондратий Фёдорович о завтрашнем — да нет, уже сегодняшнем дне. Вспомнилось вдруг Рылееву его стихотворение о казаке Наливайке:

Известно мне, погибель ждёт
Того, кто первый восстаёт
На утеснителей народа,
Судьба меня уж обрекла,—
Но где, скажи, когда была
Без жертв искуплена свобода?
Погибну я за край родной,
Я это чувствую, я знаю...

Михаил Бестужев, услышав эти строки впервые, заметил (то ли в шутку, то ли всерьёз), что Рылеев предсказал их судьбу. Но об этом думать не время. Через несколько часов они объявят свободу народу! И посмотрим, чья возьмёт!

14 ДЕКАБРЯ

Было ещё темно, но в окнах дома на Мойке виден был свет. То и дело хлопала тяжёлая входная дверь, врвался вслед за ночными гостями морозный декабрьский воздух. Говорили недолго, слушали Рылеева, кивали и опять уходили в ночь — отправлялись в полки, в казармы.

Опять застенчиво брякнул колокольчик, — шагнул через порог Николай Бестужев.

Рылеев накинул шубу, сказал:

— Я готов, пора, едем!

Но тут в прихожую вбежала Наталья Михайловна. Заливаясь слезами, она обняла мужа, закричала: «Не пущу, не пущу!»

Рылеев обнял её за плечи, старался успокоить. От шума проснулась их шестилетняя дочка, Настенька. Протирая заспанные глазёнки, босая выбежала в коридор. Увидев, что мать плачет, тоже заревела в голос.

Кондратий Фёдорович растерянно махнул рукой, расцеловал

обеих и выбежал на мороз. Вскочил в сани, крикнул кучеру: «Гони!»

Вот рассвело, и декабрьское багровое солнце повисло в холодном небе столицы. Час прошёл, другой, третий. Никита выглядывал в окно: не вернулся ли Кондратий Фёдорович? Нет, не видать. Прошла укутанная краснощёкая молочница. Цокая копытами, протрусила мимо лошадь водовоза, пробежали с криком мальчишки. Всё, кажется, как всегда, да чуял Никита: что-то странное творилось в Питере. Проскакал эскадрон гвардейцев на вороных конях, где-то неподалёку бухнул выстрел, потом другой. Выстрелы гремели недалеко, за стройкой Исаакиевского собора, где-то у Сенатской площади.

У Никиты сердце ёкнуло: началось, недаром барыня плакала. Там стрельба, того и гляди, убьют Кондратия Фёдоровича. А может, ранили его уже, а помочь ему некому? Схватил Никита свой зипунишко, лисий треух нахлобучил и, барыню не спросясь, за дверь выбежал.

От Синего моста до Сенатской площади рукой подать. Вокруг площади колыхалась толпа народа. Были здесь и мужики, и мастеровые, и господа — в цилиндрах, богатых шубах, и мальчишки (как же без них?). Встав на цыпочки, вытягивая шеи, вглядывались они в ряды солдат в серых шинелях, застывшие у Медного всадника — памятника императору Петру. А между ними и толпой — другие войска, словно кольцо вокруг тех, в серых шинелях.

Молодой мастеровой толкнул Никиту в бок:

— Гляди, дядя: вон сам царь Николай! Вон тот молодой красавчик с голубой лентой!

Император и впрямь был красив. Мундир ему к лицу, белый конь с чёрной гривой — как на картинке. Только лицо — бледное, растерянное. Губы кусает и тоже, как все, смотрит на площадь.

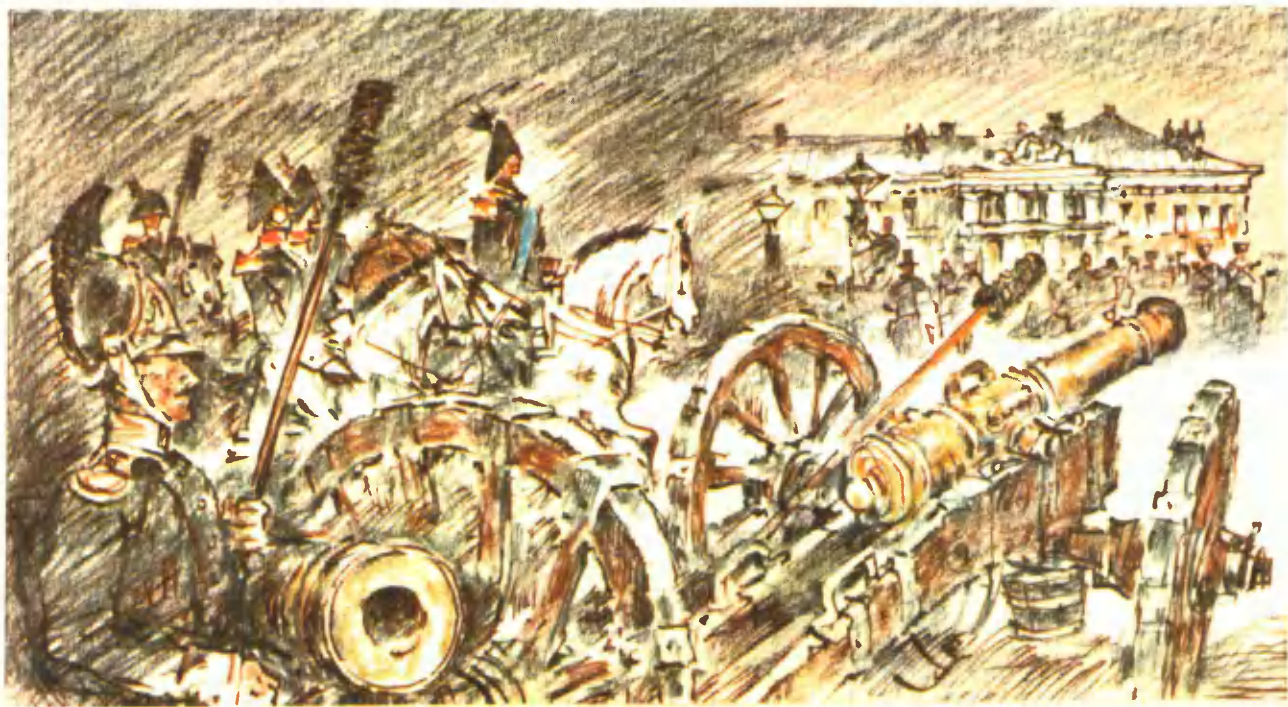
Никита опять на солдат у Медного всадника поглядел — и только теперь заметил среди серых шинелей две-три фигурки в штатском, в шубах. Показалось даже, что узнал Кондратия Фёдоровича, да разве издалека разглядишь! Забыл и царя, и мастерового — стал проталкиваться через толпу, пробился в первые ряды. Дальше ткнулся было — да два гвардейца-усача ружья сомкнули:

— Проваливай, не велено!

Взмолился Никита:

— Что же там приключилось такое, братцы?

Один из солдат понизил голос, зашептал:

— Вышли войска на площадь, против нового царя Николая бунтуют, не хотят ему присягать. Офицеры, что их вывели, обещают солдатам облегчение службы, народу — волю. — И, завидя подошедшего офицера, отодвинулся подальше.

А Никита опять стал во все глаза глядеть на солдат у Медного всадника.

К царю приходили всё новые и новые подкрепления. Загрохотали по мостовой колёса пушек. Батюшки, артиллерия! А у восставших пушек нет. Мрачно уставились на них орудийные жерла.

А время шло. Несколько раз царь посылал на восставших конницу. Но кавалерия, доскакав до них, поворачивала назад. Солдаты постреливали, всадники кричали что-то, махая саблями, — но, похоже, только для вида. Свои ведь — и с той, и с другой стороны. Солнце опускалось всё ниже, стали сгущаться ранние зимние сумерки.

Никита услышал, как давешний усач-гвардеец проговорил товарищу:

— Им бы до темноты простоять, а там от нас многие к ним перебегут.

Никита опять увидел молодого царя со свитой. Николай подсккал поближе, угрюмо взглянул на серевшие у Медного всадника шеренги. Оглянулся на толпу, обступавшую со всех сторон его войска, дёрнул ртом. Едва заметно кивнул одному из генералов. Привстав в стремях, тот скомандовал артиллеристам:

— Картечью заряжай!

Канониры дрогнули, помедлили, потом задвигались. Одни подносили заряды, другие забивали их в бронзовые пасти пушек.

Отвернувшись от площади, генерал махнул перчаткой:

— Пли!

Но артиллеристы застыли, ни одна рука не поднялась.

— Свои ведь... — растерянно проговорил один.

Стоявший рядом офицер подскочил, вырвал у него тлеющий фитиль, поднёс огонь к запалу орудия, потом к другому, третьему. Засвистела над площадью картечь, посыпались осколки. Солдаты у памятника закричали «ура», ответили ружейным огнём. Первый залп их не достал, но следующие картечины ударили прямо в строй восставших. Расплылись на снегу алые пятна. Осколки летели в толпу. Люди закричали, побежали, понесли с собой Никиту. Оборачиваясь, он видел, как офицеры старались опять построить восставших солдат, увести их с площади через Неву. Но картечь летела на лёд, он трескался, среди вздыбившихся льдин показалась чёрная вода. Лишь немногим удалось добежать до другого берега.

Люди бежали, давили друг друга. А Никита всё озирался, всё искал Кондратия Фёдоровича. И вдруг увидел его. Без шапки, в порванной шубе, лицо в пороховой саже, но — живой! Бросился к нему Никита:

— Барин, милый! — Схватил за руку, потянул за собой. Добежали до дома на Мойке, забарабанили в дверь.

Никита втолкнул Кондратия Фёдоровича в прихожую, крепко запер дверь на засов. Помог снять шубу.

Рылеев перевёл дыхание, отошёл. Обнял старика, сказал:

— Спасибо тебе, Никитушка, за всё! Вот беда — не вышло у нас. На этот раз — не вышло... — И попросил: — Растопи у меня в кабинете камин пожарче.

Пока возился Никита с камином, барин стал ящики стола выдвигать, бумаги из них вытряхивать. Бумаги перебирал, бормотал:

— Это стихи — оставлю, прочтёт кто-нибудь. А здесь — списки тайного общества. В огонь их, в огонь, да поживей.

Никита поглядел в окно. На улицах полным-полно солдат. Скачут всадники, мимо прокатили сани. В них сидел какой-то человек, по бокам его — два конвойных. И только тут Никита сообразил, что хоть и ушёл его барин с площади невредимым, но опасность над ним нависла страшная. Царь бунтовщикам не простит, не помилует.

— Кондратий Фёдорович, что же мы с вами сидим тут, чего дожидаемся? Бежать надо. Я сейчас велю коней запрячь. Сперва в деревню, а потом ещё куда-нибудь подальше, пока всё не уляжется. Бежать надо, барин, Кондратий Фёдорович!

Рылеев поглядел на Никиту задумчиво, покачал головой:

— Нельзя мне, Никитушка, бежать. Там, на площади, товарищей моих повязали. Разве могу я сам спастись, а их оставить? Есть такая поговорка солдатская: сам погибай, а товарища выручай. А я ведь солдат, солдатский крестник.

Была уже ночь, когда пронзительно задребезжал колокольчик и в двери дома у Синего моста ударили кулаки. Еле успел Рылеев расцеловать жену, дочь. Никиту обнял:

— Смотри, береги моих! — И шагнул за конвойными. В ночь, в метель. Заскрипели по снегу сани и улетели во тьму.

КРЕПОСТЬ

На острове посреди Невы построил Петропавловскую крепость император Пётр, когда и города здесь ещё не было. Стены крепости невысоки, но под ними подвалы, во дворе — казематы. Туда и упрятал царь Николай своих врагов. Где-то там уж который месяц ходит из угла в угол тёмной камеры и Кондратий Фёдорович Рылеев.

Только в июне царь разрешил Наталье Михайловне увидеться с мужем. Никита упросил взять его с собой.

Подъехали к полосатым воротам. Миновав часовых, прошли через двор, мощённый круглым булыжником. Их встретил комендант крепости. У самых дверей их окружили солдаты. Грозно сверкнули штыки на ружьях. Заскрипела на ржавых петлях железная дверь, и во дворик вышел Рылеев, также окружённый стражей.

«Зачем же столько солдат-то,— подумал Никита.— Или боятся так Кондратия Фёдоровича, хоть и в тюрьме он сидит?» Вгляделся в барина и чуть не заплакал. Рылеев похудел, лицо бледное, под глазами круги,—знать, на воздухе бывает редко. В тюрьме бородой оброс — сразу и не узнаешь.

Жену к нему близко не подпустили — только дочку разрешили поцеловать. Так и переговаривались Кондратий Фёдорович с Натальей Михайловной через солдатские штыки. Толком и поговорить не пришлось — комендант скомандовал:

— Свидание окончено, расходитесь!

Только и успел Рылеев передать жене тонкое обручальное колечко да сказать:

— Береги Настеньку!

Наталья Михайловна при чужих крепилась, держалась, но, когда затворились за ними полосатые створки ворот,— разрыдалась.

— А может, простит его государь? — несмело спросил Никита.— Они же с товарищами доброго дела хотели, не злодейства какого?

Наталья Михайловна только рукой махнула.

Месяц спустя суд объявил приговор. Сто двадцать пять участников восстания — офицеров, дворян — были сосланы на каторгу

и на поселение в Сибирь. А пятерых — вождей восстания — царь обрёк на смерть. И был среди них Кондратий Рылеев.

Тайно схоронили палачи пятерых казнённых на острове Голодай. Могилу сравнивали с землёй — чтобы и следа не осталось от них. Долго искал Никита это место — да так и не нашёл.

Другие декабристы — так стали звать тех, кто восстал против царя в декабре 1825 года, — были отправлены в кандалах в Сибирь, в ссылку, на каторгу. Николай праздновал победу.казалось, империя стала ещё прочнее, чем была. Ведь её враги разгромлены, сосланы, казнены.

Но не зря, не зря отдали жизнь за народ Кондратий Рылеев и его товарищи! Не сумели они победить — зато другим указали путь. Нет, не сломали декабристы векового льда, сковавшего Россию. Но всё-таки треснул он от удара. И пусть небольшой, еле заметной была эта трещинка, — но стала биться в неё вешняя вода. Билась, билась — и наконец прорвалась. Затрещали льдины, дыбась, и рухнул царский трон!

На острове Голодай — он зовётся теперь островом Декабристов — есть обелиск. И каждый год, 13 июля, в день казни тех, пятерых, приходят к нему люди, приносят цветы, читают на сером граните их имена:

ПАВЕЛ ПЕСТЕЛЬ
КОНДРАТИЙ РЫЛЕЕВ
СЕРГЕЙ МУРАВЬЁВ-АПОСТОЛ
МИХАИЛ БЕСТУЖЕВ-РЮМИН
ПЁТР КАХОВСКИЙ.

СОДЕРЖАНИЕ

В ДОМЕ У СИНЕГО МОСТА

3

СОЛДАТСКИЙ КРЕСТНИК

5

ОТСТАВКА

7

ПЕТЕРБУРГ

10

«ПОЛЯРНАЯ ЗВЕЗДА»

13

СЕВЕРНОЕ ОБЩЕСТВО

18

НАКАНУНЕ

21

14 ДЕКАБРЯ

23

КРЕПОСТЬ

29

Для младшего школьного возраста

Станислав Владимирович Думин

ЗВЕЗДА ПУТЕВОДНАЯ

Художник В. Бескаравайный

Редактор Г. Гладкова. Художественный редактор О. Ведерников.
Технический редактор Ю. Асеева. Корректор Н. Шадрина.
ИБ № 2460

Сдано в набор 28.07.88. Подписано в печать 08.02.89. 60×90¹/₈.
Бум. офс. № 1. Гарнитура балтика. Печать офсет. Усл. печ. л. 4,0.
Усл. кр.-отт. 18,5. Уч.-изд. л. 3,56. Тираж 150 000 экз. Изд. № 1479.
Заказ № 2327. Цена 35 коп. Издательство «Малыш». 121352,
Москва, Давыдовская ул., 5. Калининский ордена Трудового
Красного Знамени полиграфкомбинат детской литературы им.
50-летия СССР Госкомиздата РСФСР. 170040, Калинин, про-
спект 50-летия Октября, 46.

Scan: Ershov V. G., 2007

А 4803010201—040 45—89
М102(03)—89

© Издательство «Малыш» 1989